

РОЖДЕНИЕ и ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Французский ежегодник 1971

М.: Наука. 1973. С.5-23

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011, к 140-летию Парижской коммуны

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

В конце файла нами даны ссылки на тематические материалы

В феврале 1895 г., за несколько месяцев до смерти, Энгельс последний раз упомянул события 1871 г.¹ Годом раньше молодой Ленин впервые обратился к опыту и урокам Парижской Коммуны².

К тому времени Коммуна казалась многим перевернутой страницей истории. Профессиональные историки мало интересовались ею. Либеральные ученые осуждали «излишества» революционной борьбы коммунаров, а если защищали их память от откровенно реакционных наветов, то рисовали при этом деятелей и участников Коммуны лишь как патриотов — борцов за республику.

Далеко не случайно, разумеется, что Энгельс закончил введение к Марксовой «Гражданской войне во Франции» (1891 г.) упоминанием о социал-демократическом филистере, который «начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата»³. Это было предостережение, напоминание всем социал-демократам: забвение исторического смысла и традиций Коммуны несовместимо с задачами и потребностями современного рабочего движения. Но это значило также, что не в канонизации нуждается Парижская Коммуна, а в дальнейшем развитии ее принципов.

* * *

А. В. Луначарский приводит в своих воспоминаниях слова Ленина: «Хорошо было бы, если бы мы наши социальные проблемы могли ставить так же четко, как химик ставит свои в лаборатории»⁴. Но бывает, что история сама как бы ставит эксперимент. Примером может служить Парижская Коммуна. Перед нами революция, развертывающаяся в одном городе, к тому же изолированном войной и блокадой. Сложнейшие перипетии классовой борьбы, гражданской войны, массовых движений, личных судеб сжаты в пространстве и времени. Вместе с тем революция 18 марта закономерно вписывается в свою эпоху, являясь звеном в той цепи революций, которые периодически потрясали Францию начиная с 1789 г.

Таково место Коммуны, если изучать ее как ступень во внутреннем развитии Франции. Однако история имеет не только «вертикальный», но и «горизонтальный» разрез. В отдаленных друг от друга странах и в су-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 341.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 155. Летом 1895 г., побывав в первый раз за границей, Ленин в столице Франции конспектирует книгу коммунара Г. Лефрансэ «Этюды о коммуналистическом движении в Париже в 1871 г.» (см. «Иностранная литература», 1957, № 4, стр. 4—19).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 201.

⁴ А. В. Луначарский. Ленин — ученый и публицист.— «Неделя», 1966, № 3, стр. 2.

ущественно разных условиях происходят почти одновременно близкие если не по характеру, то по значению события. В свете их революция 18 марта предстает как итог всего рабочего, демократического, революционного движения предшествующего периода⁵. В Коммуне пересекались «вертикальное» и «горизонтальное» направления истории. Рассмотрим каждое из этих направлений.

Лозунг Коммуны впитал в себя давнишние традиции. Само название ее напоминает о борьбе средневековых городов за свои свободы. Однако искать истоки революции 18 марта только в этих традициях (как делают, например, буржуазные исследователи А. Кеклен и Ш. Рис⁶) означало бы лишать исторические явления их специфики и проявившегося в них действительного развития. Еще Маркс показал ошибку тех, кто в Коммуне 1871 г. видел «воскрешение средневековой коммуны»⁷. Главное в Парижской Коммуне — ее новизна, но это новое закономерно вызревало в недрах эпохи, сущность которой состояла в крушении феодализма, в утверждении и оформлении буржуазного строя, уже обнаружившего свои внутренние и социальные антагонизмы.

В свое время историки-анархисты были склонны преуменьшать или вовсе отрицать связь между революцией 18 марта и Французской революцией конца XVIII в. Такова была, в частности, точка зрения П. А. Кропоткина, считавшего, что революция 18 марта являлась первой попыткой народной борьбы против авторитарного государства⁸. Напротив, в современной немарксистской и антимарксистской историографии преобладает тенденция преувеличивать эту связь. Так, по мнению французского ученого Ж. Ружери, коммунары недалеко ушли от санкюлотов⁹.

Ключ к правильному решению этой проблемы мы находим у Ленина — в идее о цикличности буржуазных революций. Под таким циклом Ленин понимает ряд революций, которые в совокупности решают объективные исторические задачи буржуазной революции, устраняя лишь в конечном счете самую почву, способную родить новую буржуазную революцию. Отдельные революции Ленин сравнивает с «волнами», которые бьют по старому режиму, но не добивают его¹⁰.

В качестве примера такого цикла Ленин и берет Францию 1789—1871 гг. Буржуазно-демократическая революция, которая началась в 1789 г.,

⁵ См. «Парижская Коммуна 1871 г.», т. I. М., 1961, гл. 1; А. З. Манфред. Важнейшие проблемы новой истории в советских исследованиях.— «Новая и новейшая история», 1965, № 3, стр. 28; «История Парижской Коммуны 1871 года». М., 1971, ч. 1, гл. 1; «La Commune de Paris». Moscou, 1971, р. 5—6; А. З. Манфред. Советская историография Парижской Коммуны.— «Вопросы истории», 1971, № 5, стр. 45; он же. 100-летие Парижской Коммуны.— «Вестник Академии наук СССР», 1971, № 6, стр. 88.

⁶ См. «Парижская Коммуна 1871 г.», т. II. М., 1961, стр. 619—620.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 344.

⁸ См. «Парижская Коммуна 1871 г.», т. II, стр. 605—606.

⁹ J. Rougerie. Le procès de communards. Paris, 1964, p. 241. А. Декуфле считает, что вопрос о новом и традиционном в Коммуне не имеет вообще смысла. Это настолько уникальное явление, что оно, хотя и принадлежит Парижу и 1871 году, вместе с тем «не принадлежит никакому времени и никакому месту». А. Découfflé. La Commune de Paris (1871). Révolution populaire et Pouvoir révolutionnaire. Paris, 1969, p. 13. С точки зрения А. Лефевра, поколение Коммуны было в такой степени под властью воспоминаний, что для людей этого поколения «прошлое продолжало жить». Н. Lefebvre. 26 mars 1871. La proclamation de la Commune. Paris, 1965, p. 98. Всех этих авторов объединяет внешнеисторический подход к событиям Парижской Коммуны. Зато Метрон, главный составитель и редактор капитального биографического словаря о деятелях французского рабочего движения («Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français», t. I—IX. Paris, 1964—1971), в предисловии к последнему изданию книги Лиссагарай правильно говорит, что Коммуна соединяет традиционное и новое в истории рабочего движения Франции. См. P. Lissagaray. Histoire de la Commune de Paris. Avant-propos de P. Maitron. Paris, 1969, p. 11—12.

¹⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 247.

«завершена была лишь 1871 годом»¹¹. В другом месте Ленин говорит о французских революциях XVIII—XIX вв. как о долгом ряде тяжелых «кампаний», в результате которых и был создан «тот политический строй, который упрочился с 1871 года»¹².

Так раскрывается диалектическая взаимосвязь преемственности и прерывности в едином революционном процессе. Это не «заколдованный круг революции и реакции», в котором страна якобы вращалась со времен Людовика XVI¹³. На самом деле Франция все это время двигалась вперед, хотя и не по прямой линии. Даже период реставрации 1815—1830 гг. в этом смысле следует считать не возвращением к дореволюционным временам, а шагом на пути превращения Франции в буржуазную монархию¹⁴. И все же это была монархия. Важно и другое: ни одна из французских буржуазных революций, даже самая последовательная из них — революция конца XVIII в., не могла довести до конца все буржуазные преобразования, не исключая тем самым возможность попятных шагов в пределах уже восторжествовавшего капитализма. Не случайно и то, что республика (как синоним не только политических, но и социально-экономических преобразований) находилась все время в фокусе классовой борьбы.

В пределах 1789—1870 гг. периоды революции и республиканского строя перемежались более длительными промежутками монархического правления разного вида. Но одна тенденция, неуклонно нарастая, проходила через всю историю Франции — от Луи Капета до Луи Наполеона — усиление и усовершенствование государственной машины. Менялся и расширялся круг фракций и прослоек господствующих классов, и в первую очередь буржуазии, круг партий и групп, контролировавших аппарат власти, но антинародный характер государственной власти оставался неизменным. Более того, давление этой власти на трудящихся все нарастало.

Примечательно, что, указав на этот процесс в 1851 г., Маркс вновь и вновь возвращался к данной теме в 1871 г. Из работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» он почти целиком перенес свои знаменитые рассуждения о развитии французской государственной машины в наброски и окончательный текст «Гражданской войны во Франции», в которой объектом анализа была Вторая империя.

Подчеркивая преемственность между империей Наполеона III и предшествующими политическими режимами Франции, Маркс раскрыл подлинный смысл преобразований, которым подвергался государственный аппарат: «Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее»¹⁵. Эту же мысль он проводит в «Гражданской войне во Франции», оттачивая ее. Так, в первом наброске этой работы мы читаем: «...Все революции только усовершенствовали эту государственную машину, вместо того чтобы сбросить с себя этот мертвящий кошмар»¹⁶. Во втором наброске: «После каждой новой народной революции ...угнетательский характер государственной власти развивался все полнее и использовался все беспощаднее...»¹⁷ И, наконец, в последнем варианте «Гражданской войны...» Маркс пишет: «После каждой революции... чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто»¹⁸.

¹¹ Там же. См. также В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 86.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 83.

¹³ Th. Zeldin. The Myth of Napoleon III. — «History Today», 1958, N 2, p. 109.

¹⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 83.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 206.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 544.

¹⁷ Там же, стр. 599.

¹⁸ Там же, стр. 340.

Крайнюю форму централизации государственной машины Маркс видел во Второй империи. «Это и есть государственная власть современного классового господства...» — пишет он об империи 1851—1870 гг.¹⁹ Ей Маркс противопоставляет Коммуну. «Вторая империя, — говорит он, — возникла против пролетариев. И ими же она была сломлена»²⁰. Коммуна «должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство»²¹.

Таким образом, революция 18 марта была историческим ответом на Вторую империю. Вместе с тем пролетарская революция 18 марта являлась последним звеном в общем цикле буржуазных революций. Парижская Коммуна доводила до конца буржуазно-демократическую революцию. Французский народ, писал Маркс, «убедился, что он должен не только произвести революцию XIX века, т. е. пролетарскую революцию, «но и завершить революцию 1789 г.»²², т. е. довести до конца буржуазную революцию. К тому же выводу придет Ленин²³ (слова Маркса из второго наброска «Гражданской войны...», окончательно расшифрованные недавно, Ленину не были известны).

Первой революцией во Франции, установившей республику, после которой монархия уж больше не возвращалась, стала сентябрьская революция 1870 г. Но реальная угроза реставрации в бонапартистском, орлеанистском или легитимистском облики продолжала и после 4 сентября висеть над Францией. Лишь Парижская Коммуна окончательно и бесповоротно преградила путь восстановлению королевской или императорской власти. Буржуазно-демократическая революция была завершена. Этим объясняется необъяснимый для буржуазной историографии факт, что Франция внезапно и надолго «успокоилась».

Конечно, республиканский строй, упрочившийся во Франции после 1871 г., оставался буржуазным строем. Обобщая в 1891 г. опыт Третьей республики, Энгельс писал во «Введении» к работе «Гражданская война во Франции», что «государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии»²⁴. Более того, Третья республика во Франции была умеренной, консервативной даже с точки зрения возможностей ограниченной буржуазной демократии. И конституция 1875 г. была, безусловно, значительным шагом назад в сравнении с конституцией 1793 г. Некоторые буржуазные историки позволяют себе иронизировать, говоря, что, мол, не столь велика заслуга Парижской Коммуны, если она привела к упрочению такой республики. Но эта ирония не по адресу. Можно сказать, что если консерватизм Третьей республики — следствие поражения Коммуны, то прочность республики — результат победы революции 18 марта. Именно поэтому Франция оставалась долгое время единственной республикой среди крупных европейских государств. И если спустя много десятилетий она оказалась также единственной великой державой континентальной Западной Европы, в которой фашистам не удалось создать полноценную диктатуру, то, думается, мы вправе усмотреть одну из главных причин этого в 72-дневном существовании Парижской Коммуны.

Существенно и другое: пример Франции говорит о том, что уже в XIX в. до конца завершить буржуазно-демократическую революцию могла только пролетарская революция. Условием победы буржуазной революции является активное участие в ней народных масс, оказывающих давление на буржуазию или, по крайней мере, принуждающих к отступле-

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 616.

²⁰ Там же, стр. 547.

²¹ Там же, стр. 342.

²² Там же, стр. 588.

²³ См., напр., В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 452; т. 19, стр. 247.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 200—201.

нию господствующий класс, старую власть. Буржуазная революция XVIII в. потому и стала великой, что в 1793—1794 гг. низшие классы создали зачатки революционно-демократической диктатуры. В разной степени участие масс наблюдалось и в революциях XVII—XIX вв. в Англии, Германии, Италии, Америке, в известной мере — в буржуазных преобразованиях, осуществленных Японией²⁵ и Россией. Но нигде буржуазно-демократическая революция этой эпохи не достигла в своем внутреннем циклическом движении такой полноты и завершенности, как во Франции, ибо везде, кроме нее, отсутствовало последнее решающее звено демократического действия народных «низов» — переход власти, хотя бы на время, к рабочему классу.

Во Франции такой переход произошел потому, что здесь в 1789—1871 гг., параллельно с тенденцией усиления буржуазной государственной машины, проявлялась также и нарастающая тенденция к установлению социальной республики, тенденция пролетарская, социалистическая. Страна шла и пришла не только ко Второй империи, но и к ее антиподу — Парижской Коммуне.

В 1848 г. трудящиеся массы, руководимые пролетариатом, добивались с самого начала революции наивысшего для того времени достижения — провозглашения не только республики, но «социальной республики». Однако они не смогли завоевать сколько-нибудь существенных позиций в системе и аппарате власти. Июньская расправа освободила рабочий класс от иллюзии, что можно создать «социальную республику» в сотрудничестве с буржуазией. Ход франко-прусской войны после революции 4 сентября 1870 г. излечил пролетариат от веры в патриотизм буржуазии, веры в то, что общенациональные проблемы можно решать лишь под ее руководством. В осажденном Париже рабочий класс и группировавшиеся вокруг него мелкобуржуазные слои населения начали создавать элементы будущей собственной власти — Парижской Коммуны.

По мере того как осуществлялся весь цикл буржуазных революций, зрело 18 марта 1871 г. И это верно не только в отношении собственно французского аспекта предыстории Коммуны, но и аспекта всемирно-исторического.

Освобождение буржуазного общества от разных видов феодализма было основным объективным содержанием исторических явлений во время европейских революций и войн второй половины прошлого века. Многие крестьянские и освободительные войны, восстания, революционные движения тех лет в других странах (вне Европы) можно рассматривать как муки рождения новых, буржуазных общественных отношений. Особенно — всеми этими движениями, различающихся по своим причинам и содержанию, было то, что их порождало не только внутреннее развитие стран, но и воздействие извне, экспансия капитализма передовых стран.

Это отнюдь не была еще мировая революция, но не было это и механической суммой одновременных событий. Сама одновременность их не случайна. Экономически Европа уже представляла собой относительно связанное целое, хотя создание мирового рынка и мировой капиталистической системы еще не завершилось. Думается, что и процесс превращения истории в мировую в результате развития прежде всего хозяйственных связей (известное марксистское положение) не следует воспринимать как процесс только стихийный и чисто экономический. Материальные связи между народами и континентами обусловили «скачок» к интернационализации классово-борьбы: к связям революционным и демократическим, к Международному Товариществу Рабочих, к общеевропейской пролетарской солидарности с борющейся против царизма Польшей, наконец, к единству действий европейских социалистов в 1871 г.

В таких условиях и возможно было своеобразное «проявление» общих

²⁵ См. Е. М. Жуков. К вопросу об оценке «Революции Мейдзи». — «Вопросы истории», 1968, № 2, стр. 51—57.

процессов на какое-то время в одной стране. В конкретной обстановке начала последней трети прошлого века такой страной явилась Франция.

Этот международный аспект французских событий интересует нас как с точки зрения процесса преобразования государственной машины, так и с точки зрения развития борьбы рабочего класса.

Говоря об усовершенствовании и укреплении политической власти французской буржуазии — ее чиновничьего и военного аппарата, Ленин отмечает: «За три года, 1848—1851, Франция в быстрой, резкой, концентрированной форме показала те самые процессы развития, которые свойственны всему капиталистическому миру»²⁶. И Маркс, когда он говорил о Коммуне как о прямой противоположности бонапартистской империи, имел в виду не только Францию²⁷. В известном смысле история последних ста лет есть борьба двух начал, двух тенденций — буржуазной, чиновничьей, только верхушечной государственности и государственности «типа Коммуны».

Тенденция, идущая от революции 18 марта, означала качественно новую ступень в развитии рабочего движения и социалистической мысли. Марксизм, уже сложившийся к тому времени, выходит на мировую арену, становится ведущей идеологией авангарда рабочего класса. К началу периода 1848—1871 гг., отмечал Ленин, это учение еще не господствовало, преобладали различные формы домарковского социализма. И лишь к концу этого периода бурь и революций домарковский социализм умирает²⁸.

В победе научного коммунизма над различными формами мелкобуржуазного социализма видную роль сыграл Первый Интернационал. Само возникновение Международного Товарищества Рабочих отразило и подытожило важнейшие исторические сдвиги того времени. Оно было обусловлено всем объективным ходом развития капиталистического мира и подготовлено предыдущей, целенаправленной деятельностью Маркса и Энгельса. Однако создание Интернационала не привело автоматически к торжеству марксизма над враждебными ему течениями. Интернационал, справедливо отмечает Р. Палм Датт, «был также полем битвы»²⁹. Борьба шла и на конгрессах Интернационала, и в Генеральном Совете, и в низовых массовых организациях многих стран; борьба была очень упорной и далеко не окончилась к тому моменту, когда началась франко-прусская война, лишь Парижская Коммуна в конечном счете завершила спор в пользу научного социализма³⁰.

Это объясняется не тем, что во Франции к тому времени марксизм шире распространился, чем в других странах. Известно, что здесь как раз сохранялось сильное влияние прудонизма и бланкизма, что в самой Коммуне марксистов почти не было. Но ведь Париж был городом, где, как писал Энгельс в 1891 г., за последние 50 лет «каждая вспыхивавшая... революция не могла не принимать пролетарского характера»³¹. Не удивительно, что именно в Париже впервые прошли испытание не только в теории, но и в массовом революционном пролетарском действии идеи Маркса и Энгельса о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата. В одном из набросков «Гражданской войны во Франции» Маркс говорит, что конечные цели, к которым стремились утописты, «являются и конечными целями, провозглашенными Парижской революцией и Интер-

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 33.

²⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 345—346.

²⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 1—2.

²⁹ Р. Палм Датт. Интернационал. Очерки истории коммунистического движения 1848—1963. М., 1966, стр. 51, 52.

³⁰ См. «Первый Интернационал», ч. I, 1864—1870. М., 1964; J. Duclos. La Première Internationale. Paris, 1964; «Карл Маркс». Биография. М., 1968; «Карл Маркс». Биография. Пер. с немецкого. М., 1969; «Фридрих Энгельс». Биография. М., 1970; «Фридрих Энгельс». Биография. Пер. с немецкого. М., 1972.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 190.

националом. Только средства различны, и реальные условия движения не окутаны больше туманом утопических басен»³². Вот в этом смысле, и прежде всего в нем, Парижская Коммуна явилась действительно духовным детищем Интернационала.

* * *

Рассмотрев далекие истоки Парижской Коммуны, обратимся теперь к ее непосредственным предпосылкам, — коснемся вопросов исторической закономерности сентябрьской революции 1870 г., ее характера, связи войны и революции, взаимосвязи революций 4 сентября и 18 марта, наличия революционной ситуации в Париже перед Коммуной.

Раньше в буржуазной историографии крушение Второй империи рассматривалось как случайный результат франко-прусской войны, а сама эта война — как следствие недомолвок, недоразумений, существовавших между Наполеоном III и Бисмарком (такие представления живут и по сей день³³). Теперь же, как правило, все исследователи, не только марксистские (что естественно), но и буржуазные, признают, что падение последнего Бонапарта было неизбежно, что оно произошло бы и вне зависимости от войны, которую как раз и развязал бонапартистский режим, чтобы избежать революции³⁴.

Сложнее обстоит дело с определением характера сентябрьской революции. Даже для наиболее прогрессивных из буржуазных историков вряд ли приемлема сама мысль, что в 60-е годы прошлого века во Франции могла произойти иная, не буржуазная, а пролетарская революция³⁵. Другой вопрос — была ли такая революция в то время объективно зрелеей? Современная французская марксистская литература склоняется к положительному ответу на этот вопрос. Так, в кратком очерке о Коммуне 1871 г., изданном в 1967 г. группой видных историков-марксистов, указывается, что в Париже еще до начала франко-прусской войны «ожидалась социальная пролетарская революция»³⁶.

Вопрос о возможном характере революции 4 сентября не праздный. По существу это вопрос о том, сложились ли предпосылки революции 18 марта как революции пролетарской лишь в ходе сентябрьской революции или существовали еще до нее. Принято считать, что эта революция по своему характеру была буржуазно-демократической. Но не закрывает ли действительность, т. е. свершившееся, путь к исследованию возможного?

Правда, в истории, в отличие от шахматной партии, нельзя после игры переставить фигуры, чтобы рассмотреть задним числом иные возможные варианты. Однако прошлое, так же как и будущее, не является однозначно определенным. Всегда, хотя и в рамках поддающихся учету закономерностей, есть выбор, а действительность возникает в борьбе возможностей. Но если это так, то в «звездные часы человечества», в по-

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 563.

³³ I. Dittlich. Bismarck, Frankreich und die spanische Thronkandidatur der Hohenzollern. Die «Kriegsschuldfrage» von 1870. München, 1962; L. D. Steefel. Bismarck, The Hohenzollern Candidacy and the Franko-German War of 1870. Cambridge, Massachusetts, 1962. Надо отметить, что эта точка зрения, явно навеянная «европейской» идеей, по праву осмеяна новейшим американским биографом Бисмарка. См. O. Pflanze. Bismarck and the Development of Germany. The Period of Unification, 1815—1871. Princeton, New Jersey, 1963.

³⁴ Так, Ж. и Д. Мерсье в монографии о революции 4 сентября прямо говорят, что она вспыхнула «не из-за прусского нашествия», а была взрывом ненависти, накопившейся за 18 лет правления Луи Наполеона (J. et D. Mercier. 4 septembre 1870. Napoléon III quitte la scène. Paris, 1967, p. 7, 27).

³⁵ См. «История и историки. Историография всеобщей истории». М., 1966, стр. 284—286.

³⁶ «Petit précis historique de la Commune de Paris (1871)», par G. Piroo avec la collaboration de I. Braire, J. Bruhat, M. Choury, F. Fleury. Préface de J. Duclos. Paris, 1967, p. 9.

воротные моменты истории заслуживает внимания не только то, что было, но и то, что могло быть. Ибо реальные возможности, даже не пробившись, влияют на действительность, оставляют в ней след. И может оказаться, что изучение «потерянных возможностей», а точнее — возможностей неосуществленных, изменит или углубит, уточнит понимание того, что было.

На наш взгляд, такая постановка вопроса применима и при анализе характера революции 4 сентября. Тем важнее подробно разобраться в ней, что этой революции в исторической науке не повезло. Она как бы растворилась в событиях франко-прусской войны, и за мартовской эпопеей ее иногда просто не замечают³⁷. Возможно, что в этом факте отражается объективная, органическая, а не только хронологическая связь между сентябрьской и мартовской революциями (то, что первая из них — пролог второй).

В начале января 1870 г. Маркс написал в циркулярном письме (то же он повторил в конце марта в конфиденциальном сообщении), что «революционная инициатива будет исходить, вероятно, от Франции», но что только Англия может послужить в руках Генерального Совета Интернационала великим «рычагом пролетарской революции»³⁸.

Следовательно, Маркс, предсказывая близкую революцию во Франции, имел в виду революцию буржуазную. Социалистическую же революцию он ожидал в Англии. Этот вывод был основан на анализе объективных факторов революции в этих двух странах. Совсем по-другому обстояло дело с факторами субъективными. Маркс тут же подчеркнул, что «англичане обладают всеми необходимыми материальными предпосылками для социальной революции», но им недостает «духа обобщения и революционной страсти»³⁹. Тем самым Маркс не только поставил в высшей степени важный вопрос о соотношении наиболее общих объективных предпосылок пролетарской революции с субъективными условиями, необходимыми для ее победы, но и ввел существенное деление внутри последних.

История Коммуны в этом смысле весьма поучительна. Франция того времени по уровню развития производительных сил, хотя и была передовой на континенте, значительно отставала от Англии. Было ли это непреодолимым препятствием для начала пролетарской революции? Опыт показывает, что нет. Решающим моментом стало совмещение критической ситуации со способностью достаточно широкой массы перейти к революционному действию. Во Франции, точнее в Париже 1871 г., не было недостатка в «революционной страсти». И при незрелости материальных предпосылок рабочий класс оказался способным взять верх над противником, овладеть властью. Но достаточно ли было одного подъема для закрепления и сохранения первых побед?

Французам также неоставалось тогда «духа обобщения». Революционный инстинкт, который Энгельс ценил у Бланки и который был присущ (хотя и не в равной степени) другим французским революционерам, не мог заменить продуманную и последовательно осуществляемую программу действия. Парижские секции Интернационала стояли на позициях левого прудонизма, «коллективизма», который, несмотря на полемику с марксизмом и благодаря ей, испытывал влияние теории научного социализма, но все же не в такой степени, которая позволила бы соединить революционную смелость с трезвостью и теоретической ясностью.

³⁷ Например, о сентябрьской революции нет отдельной статьи в Советской исторической энциклопедии, она не рассматривается там и в связи с Парижской Коммуной; о ней упоминается лишь в статье о Третьей республике. А в «Философском словаре» в статье, посвященной Бланки, революция 4 сентября не упоминается среди революций, участником которых он был. См. «Философский словарь». М., 1972, стр. 43; «СИЭ», т. 10. М., 1967, стр. 834; т. 11. М., 1968, стр. 958.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 404; см. стр. 435.

³⁹ Там же, стр. 405, 436.

Эти серьезнейшие субъективные препятствия для успешного развития революции нельзя, однако, считать фатально непреодолимыми. Известно, что революция сама обучает революционеров (прежде всего уроками неудач и поражений) и в ходе ее требуется обычно меньше времени для того, чтобы изменить неблагоприятное соотношение отдельных составляющих «субъективного фактора», чем требуется для изменения объективных условий. Можно также напомнить, что творчество парижских коммунаров, стихийное в основе, многому научило марксизм, способствуя быстрому идейному развитию членов Интернационала — участников Коммуны. Поэтому, справедливо считая, что Коммуне не хватало подлинной политической партии рабочего класса, не следует забывать и о другом. «...Главное, чего не хватало Коммуне, — писал позднее Ленин, — так это времени, свободы оглядеться и взяться за осуществление своей программы»⁴⁰.

Другой вопрос, могла ли бы в тогдашних общеевропейских и всемирных условиях Коммуна просуществовать в виде единственного рабочего государства (даже если бы она повела за собой и подчинила себе Францию)? Ответ в наиболее широком смысле дало развитие теоретической мысли от Маркса и Энгельса к Ленину, от Ленина начала 1900-х годов к Ленину эпохи первой мировой войны и Октябрьской революции. В этом движении особое место принадлежит примеру, судьбе Парижской Коммуны.

Вернемся, однако, к ходу событий, к тому моменту, когда в 1870 г. разразилась война. Война не была единственной или даже главной причиной сентябрьской революции⁴¹. Нельзя утверждать с полной уверенностью, что она ее ускорила, хотя такое предположение более чем вероятно. Но военная катастрофа создала такой «вакуум» власти, который навряд ли мог иметь место в мирное время. Это обстоятельство открывало для революционных сил Франции новые, небывалые возможности. Вместе с тем война отчасти явилась причиной того, что они не стали действительностью. Образованное 4 сентября правительство не только не было рабочим, народным, но оказалось гораздо более однородно-буржуазным, более консервативным, чем февральское правительство 1848 г.

Проблемы противоречивого влияния войны на революцию Ленин коснулся в работе «Революция типа 1789 или типа 1848 года?», написанной весной 1905 г. Причисляя русско-японскую войну к тем факторам, которые делали вероятным развитие русской революции по решительному пути Французской революции 1789 г., Ленин отмечает вместе с тем, что война осложняет «непосредственность революционного взрыва посторонними по отношению к революции задачами»⁴² и может, следовательно, помешать ее углублению. Такое же двойственное воздействие на революционные события 1870 г. во Франции оказала и война с Пруссией. Она придала революции более радикальный характер и вместе с тем поставила на повестку дня защиту отечества, облегчив этим узурпацию власти буржуазией.

Однако победой буржуазии не было «снято» противоположное — пролетарски-революционное начало. Борьба этих двух начал продолжалась, все больше нарастая, пока не довела до новой революции, мартовской, когда спор решила гражданская война между Парижем и Версалем.

Следовательно, обе революции, 1870 и 1871 гг., были революциями самостоятельными, хотя и тесно связанными между собой. Их соединяла

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 219—220.

⁴¹ Любопытный факт: на Базельском конгрессе Интернационала в 1869 г. французские делегаты предложили очередной конгресс созвать в Париже 5 сентября 1870 г. На возражение, что бонапартистское правительство этого не допустит, они ответили, что до 5 сентября 1870 г. «империя прекратит свое существование!» См. «Первый Интернационал», ч. I, стр. 66.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 381.

социалистическая, пролетарская тенденция, развитие которой конкретно прослеживается на всем пути к 18 марта, начиная с 4 сентября.

В самом деле, с первого же дня сентябрьской революции, как о том свидетельствуют источники, трудящиеся Парижа с гораздо большим упорством, чем в феврале 1848 г., требовали именно «социальной» республики. Более того, 4 сентября в гораздо большей степени, чем в 1848 г., возникла реальная перспектива образования рабочего, точнее — леводемократического, правительства. Ж. Фавр, Ж. Симон и Ж. Трошю не так уж были далеки от истины, когда позднее хвастались, что помешали 4 сентября возможной уже тогда победе Коммуны⁴³.

В дальнейшем развитии пролетарской тенденции проявляется в обострении классовой борьбы внутри осажденного прусскими войсками Парижа, в раннем выдвижении лозунга Коммуны, в том, что в борьбе различных интерпретаций этого лозунга все яснее вызревает и преобладает социалистическое его понимание, в том, что уже тогда делаются первые попытки сломать старую государственную машину и создаются (в том числе и в области вооруженных сил) некоторые элементы организационной структуры будущей рабочей власти. Восстания 31 октября и 22 января становятся вехами на пути к Коммуне. Потерпев поражение, эти восстания, тем не менее, подготавливают почву для победы 18 марта⁴⁴.

4 сентября можно условно считать «Февралем» французского «Октября» — 1871 г., разумеется, с тем громадным отличием, которое создавалось эпохой и уровнем «субъективного фактора». С самого начала сентябрьской революции в сознании и чувствах рабочих Парижа намечается соединение и даже смешение демократических и социалистических задач в широком смысле, а в более узком и непосредственном — задач общенациональных и классовых. В последнем Ленин видел, как известно, оригинальнейшую черту Коммуны; в таком смешении заключался и важный источник ее ошибок⁴⁵.

В революционном лагере Парижа не было тогда силы, способной предупредить ошибочное решение сложных, а иногда и противоречивых задач, порожденных самой жизнью. Буржуазия обнаружила свою неспособность решать национальные, общедемократические задачи. Руководство нацией перешло к Коммуне. «Впервые в истории, — писал Маркс, — мелкая буржуазия и средняя буржуазия открыто объединились вокруг рабочей революции и провозгласили ее единственным средством своего собственного спасения и спасения Франции!»⁴⁶ А Ленин указывал: «...Коммуна явилась блестящим образцом того, как единодушно умеет пролетариат осуществлять демократические задачи, которые умела только провозглашать буржуазия»⁴⁷. Все это было внове, и издержки были неизбежны. Но дело свое Коммуна сделала, и это дело стало бессмертным. При всех ее ошибках, говорил Ленин, «Коммуна есть величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века»⁴⁸.

Все это относится к революции 18 марта, но начиналось 4 сентября. «Массам приходится учиться больше всего на своем собственном опыте, оплачивая тяжелыми жертвами каждый урок...», — писал Ленин во время русской революции 1905 г.⁴⁹ Французская революция 1870 г. была для трудящихся суровой, но очень полезной школой. Ее опыт подготовил почву для революции 18 марта 1871 г.

⁴³ Об этом подробнее см. в статье: Я. И. Дразнинас. Революция 4 сентября 1870 года в Париже и тактика бланкистов. — Ученые записки ЧПТИ. Вып. 1. Чита, 1957, стр. 128 и сл.

⁴⁴ См. «Парижская Коммуна 1871 г.», т. I, гл. 6.

⁴⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 69—71, 76—77; т. 16, стр. 451—452.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 558.

⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 452.

⁴⁸ Там же, стр. 453.

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 135.

Среди сложных проблем, вставших тогда перед народными массами Парижа, был и вопрос об отношении к войне. Как известно, парижский пролетариат, который до этого вел борьбу против войны с Пруссией, теперь, когда война становилась справедливой для Франции, занял оборонческую позицию. Трудящиеся французской столицы были охвачены сильным патриотическим порывом. Все революционные силы города выразили готовность поддержать новое правительство в его оборонческой политике. Собственно говоря, они потому и отказались от попытки взять власть, что правительство Трошю — Фавра так ловко облачилось в маскировочный наряд национальной обороны.

Патриотизм трудового Парижа по сей день ставит буржуазную историографию в тупик. Она, как правило, исходит из тезиса о несовместимости патриотизма с социализмом. При этом одни историки не верят в национальные чувства парижских рабочих, другие — в их социалистические устремления. Но и среди прогрессивных историков, даже историков-социалистов, признающих пролетарский характер мартовской революции, встречается мнение, что патриотический порыв французских революционеров означал в 1870 г. временный отход от социализма. Это особенно сказывается в оценке позиции бланкистов в первые недели сентябрьской революции, когда они поддерживали правительство особенно активно. Так, М. Домманже считает, что Бланки тогда забыл о социализме, и только позднее, перейдя в оппозицию к правительству, он вернулся к социализму⁵⁰.

Такой взгляд представляется нам неправильным. Первые две недели сентябрьской революции — от начала революции 1 сентября до начала осады Парижа 19 сентября — на самом деле выглядят «медовым месяцем» союза между революционным лагерем Парижа и правительством. Но даже в те дни трудящиеся ни на минуту не отказывались от социалистических идей. Не отказался от борьбы за социализм и Бланки. Наоборот, уже тогда наблюдаются два параллельных процесса. С одной стороны, началась переход французских господствующих классов на позиции национальной измены; с другой стороны, зарождался новый тип патриотизма — классовый, социалистический, совпадающий с интернационализмом и противоположный буржуазному и мелкобуржуазному патриотизму. Этот пролетарский патриотизм достиг высокого развития позднее, в дни Коммуны.

Республика сама по себе воспринималась как прелюдия республики социалистической, или, как тогда говорили, социальной. Конечно, это было наивно. Но такая наивность понятна, если вспомнить, что первые две республики во Франции, рожденные революцией, «скончались» так рано, что иллюзии, связанные с ними, не успели развеяться.

И еще одна иллюзия такого же рода. В Париже 1870 г. среди революционеров бытовало мнение (его держался и Бланки), что установление твердых цен, выдача продуктов по карточкам и, тем более, распределение продовольствия бесплатно — это чуть ли не социализм. Поскольку проведения таких мер требовала сама военная обстановка, казалось, что правительство будет вынуждено с ними примириться. Отчасти это заблуждение подкреплялось воспоминаниями о революции XVIII в., когда плебейские массы связывали с «максимумом» подобные же надежды. «Максимум» просуществовал тогда слишком недолго, и народные массы не успели понять, что его было недостаточно для настоящего равенства.

Кроме того, с самого начала сентябрьской революции весь революционный лагерь Парижа требовал ликвидации префектуры полиции и всех других учреждений Второй империи и проведения всеобщей мобилизации.

⁵⁰ Об этих точках зрения см. подробнее; «История и историки. Историография всеобщей истории», стр. 280—300. Из новейших работ см. S. Bernstein. *Auguste Blanqui and the Art of Insurrection*. London, 1971, p. 321; I. Villain. *Die grossen 72 Tage. Ein Report über die Pariser Kommunarden*. Berlin, 1971, S. 54.

Это опять-таки были шаги, диктуемые военной необходимостью. Но субъективно, в сознании революционных деятелей того времени, они воспринимались как начало пути к социальной республике. Надо при этом сказать, что и объективно они могли бы привести к частичному слому старой государственной машины и к вооружению рабочего класса. Наивным было не столько значение, которое придавали всем этим мероприятиям революционные деятели, сколько убеждение, что такие меры может осуществить буржуазное правительство.

Именно против таких иллюзий предупреждал тогда же Маркс, именно их позднее осудил Ленин.

В знаменитом Втором воззвании Генерального Совета Интернационала Маркс указывал, что французские рабочие «должны исполнить свой гражданский долг»⁵¹, т. е. участвовать в военных усилиях Франции. Однако Маркс предупреждал против увлечения «национальными традициями 1792 г.»⁵². В чем же они заключались? В том, что «тогда борьба с реакцией всей Европы,— как указывал Ленин,— объединяла всю революционную нацию»⁵³. В 1792 г. народные массы могли и должны были участвовать в войне за защиту республики и революции под руководством революционной буржуазии, вместе с ней. В 1870 г. это было уже невозможно. И Ленин упрекал парижский пролетариат 1870 г. не за патриотизм, а за то, что он, ослепленный патриотическими иллюзиями, не заметил превращения «правительства национальной обороны» в правительство народной измены, которое видело свое назначение не в защите Франции, а в борьбе с парижскими рабочими⁵⁴.

Но вскоре, во второй половине сентября, Бланки и другие ведущие деятели революционного Парижа убедились в том, что им не по пути с правительством не только в борьбе за социализм, но и в борьбе за упорочение республики, за оборону Франции. От согрудничества с правительством они стали переходить к его критике, к растущему сопротивлению его политике. Вопрос о войне стал основным вопросом борьбы в осажденном Париже. Борьба пролетариата за свои классовые интересы включала уже и защиту нации, и защиту республики. В этой связи яснее раскрывается глубокое содержание Второго воззвания Генерального Совета. Призывая рабочих «основательнее укрепить организацию своего собственного класса», иными словами, создать свою партию, Маркс указывал на то, что они обретут тем самым «новые геркулесовы силы» для борьбы не только за «освобождение труда», но и «за возрождение Франции». Именно от силы и мудрости рабочих, говорил Маркс, «зависит судьба республики»⁵⁵.

Патриотизм рабочих содействовал росту их сознания в той мере, в какой он сталкивал пролетариат как класс с буржуазией, помогал ему убедиться в неспособности и нежелании буржуазии решать общенациональные и общедемократические задачи, побуждал его дерзать и брать руководство в свои руки. В то же время патриотизм, и опять-таки в той мере, в какой он мог отделить народную массу от верхов буржуазии, способствовал объединению вокруг пролетариата демократических элементов общества (прежде всего мелкой, но отчасти и средней буржуазии).

Весь этот процесс, охватывающий четыре месяца осады, проявился в постепенном изменении позиции революционных сил по отношению к правительству: от идеи поддержки правительства пролетариат приходит к требованию его замены. «Дорогу народу! Место Коммуне!» — таким призывом заканчивалась знаменитая Красная афиша начала января 1871 г. И хотя

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 280.

⁵² Там же.

⁵³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 452.

⁵⁴ См. там же, стр. 451.

⁵⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 281.

восстание 22 января, программа которого была изложена в Красной афише, не сумело осуществить этот призыв, в период, последовавший после заключения перемирия, он зазвучал с новой силой.

Советские исследователи детально изучили процесс возникновения и развития революционной ситуации в Париже⁵⁶. Следует отметить, что известный историк Парижской Коммуны Ж. Буржен также признавал, что в первой половине марта 1871 г. в Париже сложилась революционная ситуация, которая, по его мнению, была вызвана капитулянтской линией правительства «национальной обороны», республиканской и патриотической реакцией столицы на эту линию, провокациями Тьера и ростом революционных сил. Но это признание не мешает Ж. Буржену, исходя из ошибочной точки зрения, на которую мы указывали выше, отрицать пролетарский характер революции 18 марта: раз революционеры были тогда патриотами, они не могли быть социалистами⁵⁷.

Революционная ситуация, предшествовавшая революции 18 марта, сложилась в период февраля — марта 1871 г., но она отражала и подытоживала противоречия, возникшие еще в годы Второй империи и обострившиеся под влиянием франко-прусской войны и революции 4 сентября. Особенность этого процесса во Франции заключалась тогда в том, что как «кризис верхов», так и «кризис низов» наиболее выпукло проявились в противоречии между национальной изменой буржуазии и патриотизмом быстро революционизирующегося пролетариата. Это привело к тому, что субъективно патриотизм ассоциировался с социализмом, даже сливался с ним не только в сознании трудящихся, но и в сознании буржуазии (отсюда — ее страх перед патриотизмом и отказ от него).

Итак, революция 18 марта, подобно другим революциям, произошла в условиях революционной ситуации, а это означало, что революция созрела, что для нее была готова почва. Вместе с тем, как отмечал Ленин, «Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготавливал»⁵⁸. Продолжая свою мысль, Ленин перечислял конкретные факторы, приведшие к революции: «неудачная война с Германией, мучения во время осады, безработица среди пролетариата и разорение среди мелкой буржуазии; негодование массы против высших классов и против начальства, проявившего полную неспособность, смутное брожение в среде рабочего класса, недовольного своим положением и стремившегося к иному социальному укладу; реакционный состав Национального собрания, заставлявший опасаться за судьбу республики...»⁵⁹ «...Все это и многое другое, — продолжал Ленин, — соединилось для того, чтобы толкнуть парижское население к революции 18 марта, неожиданно передавшей власть в руки национальной гвардии, в руки рабочего класса и примкнувшей к нему мелкой буржуазии»⁶⁰. Мысль Ленина подтверждается историческими фактами. Так, Центральный Комитет Национальной гвардии, взяв в свои руки руководство и начав действовать как правительство рабочего класса, сделал это не сразу и не без колебаний. Эти колебания продолжались все время, пока Комитет Национальной гвардии находился у власти, т. е. в течение первых десяти дней революции⁶¹.

Роль последнего толчка, заставившего массы вновь подняться, сыграла провокация Тьера в ночь с 17 на 18 марта. В иное время она вы-

⁵⁶ См. «Парижская Коммуна 1871 г.», т. I, гл. 7, § 3; «История Парижской Коммуны 1871 года». М., 1971, ч. 1, гл. 5. Из новейших работ французских историков-коммунистов см.: «La Commune de Paris 1871», Paris, 1970, ch. 2; G. Soria. Grande histoire de la Commune, t. 1. Milan, 1970, ch. 4; J. Duclos. La Commune de Paris à l'assaut du ciel. Paris, 1971, ch. 2.

⁵⁷ См. «История и историки. Историография всеобщей истории», стр. 296—297.

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 217.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, стр. 217—218.

⁶¹ См. «Парижская Коммуна 1871 г.», т. I, гл. 8, 9.

звала бы только волнения или мятеж (на что Тьер, собственно, и рассчитывал). В сложившихся тогда условиях революционной ситуации пролетариат ответил на нее вооруженным восстанием, стихийно начавшейся пролетарской революцией.

* * *

Так предыстория Парижской Коммуны — отдаленная и близкая — стала составной частью ее собственной истории. Сложная, многогранная проблематика ее продолжает и по сей день приковывать внимание и интерес исследователей, является предметом идеологических столкновений и споров, особенно в том, что касается пролетарского характера, социалистической сущности революции 18 марта.

Пытаясь если не опровергнуть, то хотя бы поставить под сомнение пролетарский характер Коммуны, буржуазная историография прибегает к старым и выдвигает новые аргументы.

Один из аргументов заключается в том, что в Коммуне и ее руководящих органах численно преобладали не рабочие, а мелкобуржуазные элементы и поэтому ее нельзя якобы называть пролетарской (А. Дансет, М. Кранцберг, П. Доминик)⁶². Но Ленин еще в 1920 г. указывал, что классовое лицо, классовый характер партии «зависит не только от того, состоит ли она из рабочих, но также от того, кто ею руководит и каково содержание ее действий и ее политической тактики»⁶³. Эти слова Ленина дают ключ к пониманию парижских событий 1871 г. Коммуна представляла собой диктатуру пролетариата не потому, что в составе Совета Коммуны участвовали рабочие, а потому, что она опиралась на народные массы Парижа, руководимые рабочим классом, являлась попыткой с их стороны руководить нацией.

Буржуазные ученые М. Виннок и Ж. Азема в книге «Коммунары», опубликованной в 1964 г., правильно отмечают, что Совет Коммуны имел достаточно рабочих в своем составе и в такой степени защищал интересы трудящихся, как ни одно другое правительство до него⁶⁴. Тем не менее эти авторы не признают пролетарской сущности Парижской Коммуны потому, что, мол, она не проводила социалистических преобразований. Это уже другой, но столь же неубедительный аргумент. В социальной области, как и в других областях, Коммуна успела сделать немного. «...Но это немного, — говорит Ленин, — все-таки достаточно ярко вскрывает ее характер, как народного, рабочего правительства...»⁶⁵ Это же подтверждают и источники, введенные в научный оборот в последние годы; они показывают, что в политике Коммуны было больше социалистического в прямом смысле этого слова, чем предполагалось раньше. Так, документы, изданные Ж. Ружери, свидетельствуют о том, что Коммуна успела во многом претворить в жизнь декрет от 16 апреля о передаче рабочим предприятий, хозяева которых покинули Париж⁶⁶.

⁶² См. «Вопросы истории», 1964, № 3, стр. 192. Анализ более поздних работ см.: А. И. Молок. Современная французская историческая литература о Парижской Коммуне. — «Новая и новейшая история», 1971, № 4; J. Bruhat. Les Interprétations de la Commune. — «La nouvelle critique», numéro spécial: Expériences et langage de la Commune de Paris, 1971, p. 115—122.

⁶³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 261.

⁶⁴ M. Winock et J. P. Azema. Les Communards. Paris, 1964, p. 178.

⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 220.

⁶⁶ J. Rougerie. Procès des communards. Paris, 1964, p. 220—224. Некоторые историки, признавая социализм коммунаров, объявляют его «французским» социализмом, который они искусственно противопоставляют социализму Маркса (см. напр., R. Rémond. La vie politique en France depuis 1789, v. 2; 1848—1879. Paris, 1969, p. 278; J. Caillard. Communes de province. Commune de Paris 1870—1871. Paris, 1971, p. 97). Если эти авторы имеют в виду утопизм коммунаров, то это общеизвестно, так же как и то, что нет пропасти между социализмом утопическим и научным. Главное в

Выдвигается еще один аргумент. Он сводится к тому, что Коммуна не могла быть диктатурой пролетариата, какой представил ее Маркс, поскольку сама Коммуна таковой себя не сознавала. Можно оспорить и это утверждение. Энгельс позднее отмечал, что Маркс в «Гражданской войне во Франции» представлял «бессознательные тенденции Коммуны» как «более или менее сознательные планы»⁶⁷. Однако Энгельс отнюдь не видел в этом насилия над историей. Если право и даже долг мыслителя, формулирующего идеи передового класса, «договорить» то, что класс не успел произнести вслух, творя новое (еще не нашедшее выражения в языке), то, с другой стороны, даже самый великий мыслитель способен это сделать именно потому, что в недрах масс назревает нечто, резко отличающееся от привычных норм и традиций предшествовавшей эпохи. Самых коммунаров логика борьбы подводила так или иначе к осознанию того, что они действуют как правительство, притом рабочее и социалистическое⁶⁸. В какой-то степени можно то же сказать и об осознании рабочими необходимости своей партии. Приведем следующий простой, но знаменательный факт: известно, что вопрос о пролетарской партии стоял в центре внимания Лондонской конференции Интернационала (сентябрь 1871 г.) как программный вопрос для Международного Товарищества Рабочих. Маркс стремился к тому, чтобы международное рабочее движение воспользовалось одним из важнейших уроков, который надо было извлечь из опыта Парижской Коммуны. С другой стороны, поэт и коммунар Э. Потье, который почти не знал Маркса, задолго до Лондонской конференции включил в свой бессмертный «Интернационал» строки: «Рабочие, крестьяне, будем великой партией труда»⁶⁹. Эта песня писалась, как известно, в те страшные дни июня 1871 г., когда она могла осознаться автором лишь как завещание — и личное, и от имени Коммуны. Ленин отметил, что «Интернационал» Потье разнес идеи Коммуны по всему миру⁷⁰.

Своеобразную попытку «опрокинуть» марксистскую концепцию революции 18 марта предпринял уже упоминавшийся выше Ж. Ружери. В 1960 г. Ж. Дотри и Л. Шелер опубликовали материалы Центрального комитета 20 округов⁷¹. В следующем году Ружери издал некоторые найденные им документы руководящего органа революционных сил Парижа⁷². Как отмечает сам Ружери, эти документы, не вошедшие в публикацию 1960 г., подтверждают высказанное в советской литературе предположение о том, что ЦК 20 округов заранее готовил восстание, вспыхнувшее 22 января 1871 г.⁷³ Но, как ни странно, Ружери отыскивает в документах доводы против социалистической революции 18 марта. Дело в том, что он неправоммерно противопоставляет ЦК 20 округов Центральному комитету Национальной гвардии. Он признает социалистические устремления пер-

том, что Коммуна «поставила социализм на очередь дня». — «Voici l'aube. L'immortelle Commune de Paris». Paris, 1972. Цит. по «L'Humanité», 18.IX 1972, p. 5. См. также J. Gascon. La Commune de Paris. — «L'Europe», 1970, XI—XII, № 499—500, p. 11—12.

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 70.

⁶⁸ См. например, «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 г.», т. II. М., 1960, стр. 266, 268; Ж. Дюкло. На штурм неба. Парижская Коммуна — предвестница нового мира. М., 1962, стр. 108.

⁶⁹ Эжен Потье. Песни, стихи, поэмы. Переводы и вступительная статья А. Гатова. М., 1966, стр. 116. Перевод этих строк А. Гатовым более точен, чем принятый у нас перевод А. Коца. Ср. E. Pottier. Oeuvres complètes. Rassemblées, présentées et annotées par Pierre Brochon. Paris, 1966, p. 101 («Ouvriers, paysans, nous sommes le grand parti des travailleurs»).

⁷⁰ См. В. И. Ленин. Евгений Потье (к 25-летию его смерти). Полн. собр. соч., т. 22, стр. 274.

⁷¹ См. «Парижская Коммуна 1871 г.», т. II, стр. 579—581.

⁷² «Mouvement social», N 37, 1961, p. 3—29.

⁷³ Ibid., p. 26. Ср. Я. И. Дразинас. К истории Красной афиши и восстания 22 января 1871 года в Париже. — «Новая и новейшая история», 1961, № 2, стр. 91—93.

вого, но отрицает, что они были у второго. Хотя в оба Центральные комитета входил такой видный деятель, как Э. Варлен, Ружери не видит никакой преемственности между ними. Исходя из такой надуманной схемы, Ружери приходит к выводу, что раз 18 марта во главе Парижа оказался не ЦК 20 округов, а ЦК Национальной гвардии, это будто бы означает поражение социалистического крыла революции⁷⁴. А ведь даже если принять на веру схему Ружери, то вывод получается совсем другой: раз «18 марта» продолжало «22 января», — значит ЦК Национальной гвардии перенял социалистическую эстафету ЦК 20 округов.

Серьезные возражения вызывают и положения, содержащиеся в монографии западноберлинского историка К. Мешката, изданной в 1965 г. («Парижская Коммуна 1871 г. в освещении советской историографии»)⁷⁵. Проследившая эволюцию взглядов Маркса и Ленина на Парижскую Коммуну, К. Мешкат не только пытается противопоставить Ленина Марксу, но и создать у читателей впечатление, что взгляды основоположников марксизма-ленинизма менялись по таким принципиальным вопросам, как классовая сущность Коммуны.

Разумеется, возражение вызывает не сама идея об определенной эволюции взглядов Маркса, Энгельса и Ленина на Парижскую Коммуну, и можно было бы лишь приветствовать обстоятельство, с которой К. Мешкат рассматривает этот вопрос. Автор справедливо критикует некоторых буржуазных ученых за попытки принизить значение трудов Маркса, Энгельса, Ленина о Коммуне⁷⁶. Тем досаднее, что сам он выискивает несуществующие разногласия между Марксом, Энгельсом, Лениным, противоречия в их взглядах⁷⁷.

К. Мешкат утверждает, например, что в ленинских высказываниях 1904—1905 гг. о Парижской Коммуне «слова «диктатура пролетариата» нигде не встречаются»⁷⁸. Лишь статья 1911 г. «Памяти Коммуны», где о Коммуне говорится как о рабочем правительстве, создает «мысленный мост между толкованием Коммуны Лениным в духе «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» и открытым им заново в 1917 г. пониманием ее Марксом как диктатуры пролетариата»⁷⁹. Ленинская же интерпретация Парижской Коммуны накануне Октябрьской революции находится в «острейшем противоречии» с тем, что он писал раньше⁸⁰. Получается, что Ленин сначала якобы отошел от точки зрения Маркса на Коммуну и только позднее к ней вернулся.

К. Мешкат допускает фактическую неточность: в первом из «Трех конспектов доклада о Парижской Коммуне» (1904) Ленин применяет в отношении нее выражение: «правительство рабочего класса», «*п р а в и т е л ь с т в о р а б о ч и х*», «*диктатура пролетариата*»⁸¹. Правда, в 1905 г. Ленин писал, и Мешкат это цитирует, что «реальной задачей, которую пришлось выполнять Коммуне, было прежде всего осуществление демократической, а не социалистической диктатуры»⁸². Но ведь речь здесь идет не о классовой сущности власти, победившей в Париже в 1871 г., а о задачах, которые она тогда должна была и могла осуществить, и то не в конечном итоге, а лишь в первую очередь.

⁷⁴ «Mouvement social», N 37. 1961, p. 27; J. Rougerie. Procès des communards, p. 41—42.

⁷⁵ К. Meschkat. Die Pariser Kommune von 1871 im Spiegel der sowjetischen Geschichtsschreibung. [West] Berlin, 1965.

⁷⁶ Ibid., S. 10, 15—40, 65—96, 225.

⁷⁷ Ibid., S. 37—38, 65. См. также: А. И. Молок. Об ошибках и извращениях в оценке Парижской Коммуны в современной антимарксистской историографии.—Сб. «Вопросы историографии» («Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», № 275). М., 1967, стр. 183.

⁷⁸ К. Meschkat. Op. cit., S. 66.

⁷⁹ Ibid., S. 71.

⁸⁰ Ibid., S. 82.

⁸¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 487, 488.

⁸² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 132.

Это было сказано во время первой русской революции, когда в центре всех раздумий Ленина была возможность гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции как условия перерастания этой революции в социалистическую. И естественно, что, обращаясь к истории Коммуны, Ленин задумывается над тем, мог ли уже в 1871 г. руководимый рабочими демократический переворот стать в их руках рычагом для социалистического переворота. Именно поэтому летом 1905 г. он резко критикует Коммуну за то, что она не умела тогда и не могла «различить элементов демократического и социалистического переворота»⁸³. В работе «Уроки Коммуны» в 1908 г. Ленин развивает эту критику и вместе с тем отмечает умение пролетариата уже тогда решать демократические задачи⁸⁴. В работе «Памяти Коммуны» он указывает, что «движение Коммуны должно было неизбежно получить социалистическую окраску»⁸⁵. Наконец, в «Государстве и революции» Ленин перечисляет демократические мероприятия Коммуны, которые «служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму»⁸⁶.

Таким образом, чем ближе к Октябрьской революции, тем более высоко Ленин оценивал социалистические возможности революции 1871 г.⁸⁷ Это развитие его взглядов в период второй русской революции (в сравнении с первой) связано, на наш взгляд, главным образом с осмыслением опыта Советов. Коммуна оказалась «прообразом Советов», и это бросало новый свет не только на революционное творчество народных масс в 1905—1917 гг., но и в 1871 г.

Ленин, как известно, считал, что без Советов «пролетарская революция была бы в России делом безнадежным»⁸⁸. Но именно поэтому те черты Советов, которые, хотя бы в зародыше, были уже в Коммуне, делали более надежной и ее зачаточную борьбу за социализм, как и ее возможности реально заменить разрушаемое государство эксплуататоров.

Особый интерес представляет то, что характеризует Коммуну и Советы как «работающую» демократию⁸⁹. В этой связи следует заметить, что нельзя оценить по-настоящему значение Парижской Коммуны, актуальность ее наследия, если ограничиться (как обычно делают) рассмотрением политики ее руководящих органов, ее отдельных, даже очень важных мер. «Великим социальным мероприятием Коммуны,— говорил Маркс,— было ее собственное существование, ее работа»⁹⁰.

Источники, привлеченные исследователями в последние годы, позволяют довольно рельефно показать эту работающую демократию на деле. Можно проследить зарождение и рост в Париже новых низовых массовых организаций еще до 18 марта (к ним, в частности, принадлежали те комитеты, на основе которых образовались ЦК Национальной гвардии и ЦК 20 округов) и дальнейшее их развитие после 18 марта. В монографии «Коммуна в сердце Парижа» французский историк-коммунист М. Шури конкретно показывает, как народные массы и их организации

⁸³ Там же, стр. 70.

⁸⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 452.

⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 218.

⁸⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 44.

⁸⁷ Речь идет уже не о социалистической окраске, а о социализме, и употребляется не категория «долженствования», а изъывительное наклонение. Ср. также: «Пролетариат... вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов»... увлекся мечтами...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 452); «...Движение Коммуны должно было... начать стремиться к ниспровержению господства буржуазии» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 218); «Эти мероприятия... получают... значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой экспроприацией экспроприаторов» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 44).

⁸⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 305.

⁸⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 45—46.

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 350.

активно участвовали в обсуждении и выполнении решений, которые принимала Коммуна, и как, например, созданные в столице землячества выходцев из провинции сумели во время Коммуны поддерживать связь между Парижем и страной⁹¹.

Даже немарксистские историки признают превосходство этой демократии над буржуазной. «Слово демократия,— пишут М. Виннок и Ж. Азема о Коммуне,— перестало быть просто риторикой. Каждый приобрел право высказываться, контролировать, критиковать!.. Народные массы задавали тон новому режиму»⁹².

Народная инициатива снизу не только дополняла, но часто и возмещала недостаточное руководство сверху. М. Шури справедливо отмечал, что «социалистические декреты Совета Коммуны принимались единогласно даже во время острейшего внутреннего кризиса»⁹³, и в этом в значительной мере сказалось влияние низовых массовых организаций Коммуны.

Выборы в Совет Коммуны, проведенные 26 марта, были подлинно всеобщими. В этих выборах свободно участвовали даже противники революции. Коммуна была великодушна к своим врагам. И она не пошла сразу на Версаль, не взяла банк не потому, что не понимала значения этих мер. Были люди в Коммуне, в Париже, которые уже тогда требовали это сделать. Великодушие Коммуны было принципиальным. Она не хотела насилия, не хотела нарушать даже буржуазные законы. Вот почему Коммуна практически не ответила на белый, контрреволюционный террор красным, революционным террором. Коммунары, признает П. Доминик, не казнили ни одного своего противника, взятого в плен. На основании официальных решений судов Коммуны, по его подсчетам, было казнено лишь 12 человек, а кроме того, на улицах Парижа в марте — мае погибло еще 78 или 79 противников Коммуны. Это, отмечает автор, в 200—300 раз меньше числа лиц, зверски убитых версальцами⁹⁴. «Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы Париж,— писал Маркс,— почти забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, с энтузиазмом отдавшись строительству нового общества!»⁹⁵

Великодушие Коммуны по отношению к врагам оказалось роковой ошибкой — ошибкой, исторически понятной, ошибкой первоходцев, заблуждением, вызванным не только недостаточной зрелостью революционных сил, но и отсутствием опыта⁹⁶.

Парижская Коммуна потерпела поражение. Буржуазной реакции казалось, что это поражение навсегда. Но уже 30 мая, через день после ее гибели, на заседании Генерального Совета Интернационала Маркс прочел «Гражданскую войну во Франции». Год спустя на массовом митинге в Лондоне рабочие заявили, что рассматривают «героическое движение 18 марта как зарю великой социальной революции, которая навсегда осво-

⁹¹ М. Шури. Коммуна в сердце Парижа. М., 1970, стр. 312—353. А ведь до сих пор в некоторых работах бытует точка зрения, что в 1871 г. «Франция пошла войной на Париж». Ср. М. L. Hospice. La guerre de 70 et la Commune en 100 images. Paris, 1965, p. 219.

⁹² М. Winnok et J. P. Azema. Op. cit., p. 179.

⁹³ M. Choury. La Commune au Quartier Latin. Paris, 1961, p. 160.

⁹⁴ P. Dominique. La Commune de Paris. Paris, 1962, p. 280. Моральное превосходство Парижа над Версалем ярко показал А. Гийемен в заключительном, четвертом томе своего исследования об истоках Парижской Коммуны. См. H. Guillemin. L'avènement de M. Thiers et réflexions sur la Commune. Paris, 1971, p. 273—292.

⁹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 353.

⁹⁶ Судебная деятельность Коммуны, ее опыт и уроки для нашего времени стали предметом ряда ценных исследований советских ученых. См., напр., А. Т. Бажанов. Органы юстиции Парижской Коммуны. Казань, 1971; «Государство и право Парижской Коммуны». М. 1971; «Парижская Коммуна и современность (государственно-правовые проблемы)». Л., 1971; «Интернациональное наследие Парижской Коммуны». М., 1971.

бодит человечество от классового общества»⁹⁷. Прошло еще девять лет, и в 1881 г. Маркс высказал гениальную догадку о том, что события должны привести «к созданию российской Коммуны»⁹⁸. И она была создана. «Октябрьская революция, победившая под руководством партии Ленина, была своего рода реваншем за Парижскую Коммуну»⁹⁹. Через Октябрьскую революцию Коммуна 1871 г. вошла в революционные свершения двадцатого столетия.

Франко-прусская война, крушение Второй империи и Парижская коммуна документы, исследования, публицистика:

- Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара (Л.: Прибой. 1925)
Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году (СПб., 1906)
М.Вильом. В дни Коммуны: записки очевидца (Л.: Прибой. 1926)
Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года (Пг., 1920)
А.Арну. Народная история Парижской Коммуны (Пг., 1919)
А.Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны (М: госполитиздат. 1956)
Речь Эжена Варлена перед судом в 1868 г. (Вятка, 1918)
Э. Белфорт Бакс. Парижская коммуна 1870-1871 гг. (Пг., 1918)
П.Лавров. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. (Л.: Прибой. 1925)
К.Беркова. Парижская коммуна и русские революционеры (М., 1926)
С.Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871 (М.: Государственное военное издательство. 1935)
Бессмертная Коммуна. Воспоминания ветеранов, участников Парижской Коммуны (М., 1928)
В.Арендт. Дни Коммуны 1871 года (М.: ЦК МОПР. 1929)
И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в 1870-1914 гг. (М., 1952)
Э.Вандервельде. Парижская Коммуна (М., 1918)
Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981. Отв.ред. В.М.Далин)
А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны (Л., 1924)
А.Молок. Белый террор во Франции в 1871 году (М.: ЦК МОПР. 1936)
Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели (по книге К.Пельтана)
(издание 1920 года, предисловие Г.Зиновьева)
Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны (М.: Худ.лит-ра. 1947)
Ж.Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира (М.: Иностранная лит-ра. 1962)
Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А.Желубовской, А.З.Манфреда, А.И.Молока,
Ф.В.Потемкина (М., 1961). Тт.1,2.
И.Книжник-Ветров. Русские деятельницы 1-го Интернационала и Парижской коммуны (М.-Л.: Наука. 1964)
П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз, 1959.)
Э.Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции (М.. 1956)
Письма рабкорров Парижской коммуны (М., 1937)
Б.Итенберг. Россия и Парижская коммуна (М.: Наука. 1971)
О.Вайнштейн. История Парижской коммуны (М., 1932)
М.Шури. Париж был предан: истоки парижской коммуны (М., 1961)
М.Шури. Коммуна в сердце Парижа (М., 1970)
С.Б.Кан. Правительство Тьера и подготовка революции 18 марта 1871 года
Н.Сидорова. Политические клубы Парижа накануне Коммуны 1871 года
П.Антокольский. Коммуна 1871 года (поэма)
О. Вилье де Лиль-Адан. Произведения времен Парижской Коммуны
Д.Бонно-Ламотт. «Красные тетради» коммунара Максима Вильома и Шарль Пеги

Фильм Питера Уоткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris 1871)», 2000 г.).
Радиопередачи к 140-летию Парижской коммуны

Эти материалы можно скачать здесь:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

<http://politazbuka.ru/>

⁹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 51.

⁹⁸ «К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 87.

⁹⁹ Ж. Дюкло. Октябрь 17 года и Франция. М., 1967, стр. 5.